

ЖАНРОВЫЙ (БЕЗ)ПРЕДЕЛ

XIV Международный фестиваль «Царь-Сказка»

Родина былинного героя Садко – **Великий Новгород** – раз в два года, как сказочный Китеж, всплывает со дна морского фестивалем небывалой энергии и географии. **Пять дней, 15 спектаклей, театры 11 стран мира** показали свое понимание сказки как мифа, как истории, как проблемы, как фантазии.

В программе – современный танец для детей, визуальный, кукольный театры, песочная анимация, опера. Недаром фестиваль не конкурсный – сложно судить то, что живет по разным законам. Проблема жанра стала самой горячей и дискуссионной для фестиваля. Искрой сверкнула реплика-провокация молодого критика из Эстонии Леннарта Пипа: «Сегодняшнему театру не нужны жанры, они умерли и служат театрам по привычке как средство маркетинга». Споры закипели, жанры замелькали. Что такое стендап-театр и театр объектов, в чем разница между контемпорари и танцевальным спектаклем, по каким законам судить традиционную китайскую оперу и т. д. Впрочем, едва ли один фестиваль может дать исчерпывающие ответы.

Первый блок получился танцевальным. Истории для детей станцевали театры из **Франции, Швеции, Италии и Лихтенштейна**. Изучение своего тела, множась в проекции ноги, танец как диалог с ребенком в спектакле «**Зигзаг**» **театральной компании Etandonne** из Руана. Танцовщица **Эмили Мезьер** виртуозно выделяет пластические па: ноги превращаются то в аиста, то в извилистую дорожку, то в загадочных животных. Это пластическая история о взрослении, о преодолении

кризиса первого шага, исследование возможностей своего тела. Здесь на первом плане процесс, а не результат. Действие не движется к развязке, оно живет бесконечной трансформацией. Однако кажется, что такая бессюжетная история мало подходит русским детям с их смыслоцентричным сознанием: бабка за дедку, дедка за репку – репа должна быть вытянута, а зло наказано. А потому девушка в коротких шортах и японском кимоно, изгибающая свое тело зигзагами, вызывает скорее любопытство, чем понимание.

Шведская постановка «**Коробочка с секретом**» **театра ZebraDans**, также бессловесно-танцевальная, оказалась весьма выитной. История о том, как поссорились девушка в оранжевом (**Лиса Нильссон**) с девушкой в сером (**Андреа Свенссон**), держится на одном простом и точно исполненном актрисами конфликте – битва за таинственную коробочку. В тесном полукруге сцены, через танец, не лишенный обаяния и юмора, детям напоминают, как быстро дружба может превратиться в соперничество и вражду. Из-за разной национальности актрис напрашивается и еще один контекст – отношения Востока и Запада.

Тема соперничества, только уже для подростков, переключивается в танцевальный спектакль «**Каин и Авель**» **компании Rodisio (Италия) и Так театра (Лихтенштейн)**. В этой истории нет библейского притчевого контекста, название задает лишь тему – соперничество между близкими людьми и трагический финал. Батл двух братьев-хипхоперов заканчивается убийством одного из них, раскаянием вто-

«Однажды я исчез». Театр «Малый» (Великий Новгород)

рого и финальной недвусмысленной надписью на экране: «Не убивай». Такие спектакли сегодня «на ура» идут в школах и колледжах в пропагандистско-воспитательных целях. Возможно, сегодня и вправду молодым людям, воспитанным на играх-стрелянках, надо напомнить очевидную библейскую заповедь.

Спектакль «**Однажды я исчез**» новгородского театра «**Малый**» — не совсем танцевальный и не совсем для детей. В программе значится 18+, хотя ничего крамольного дети там не увидят и не услышат (постановка без слов). Пожалуй, взрослая только тема — смерти, исчезновения, рефлексии. Что будет, когда меня не станет? Однако спектакль направлен скорее не на мистическое будущее после смерти, а на не очень

радужное настоящее, где человек растворяется в рутине, в домах-коробках, в бессмысленной работе и безразличной природе. Ломаная пластика героини или героя **Марины Вихровой** (пол нивелируется, он тоже исчез), бесконечное движение, без цели и конца. Герой бросается на деревянные столы, пытается вырваться из надвигающейся пустоты, отстукивает ладонями ритм, чтобы разорвать тишину вокруг. Но в конце концов остается только дым, голос, проговаривающий, что кто-то строит, кто-то разрушает, кто-то живет, кто-то умирает... И зритель один на один с пустотой сцены. Ни время, ни безразличное пространство, ни человек не могут остановить вечного движения. Создатели отнесли свой спектакль к визуально-

«Макбет». Companhia do Chapito (Лиссабон)

му театру. Но, несмотря на обилие экранных проекций и световых эффектов, главным двигателем действия остается телесное существование артистов, их пластика. Вновь всплывает и в то же время расплывается граница жанра.

Вслед за невербально-пластическими постановками на зрителей фестиваля обрушились потоки текста на разных языках.

«Были слезы больше глаз» — строка из «Повести о Сонечке», стихотворения «Провода» Марины Цветаевой и название моноспектакля Театра для детей и молодежи «Свободное пространство» из города Орла. События послереволюционной России, дружба с актрисой Софьей Голлидэй, стихи 1918–1919-х годов — повесть носит по-

лудокumentальный характер. Но создателей спектакля (режиссер Александр Михайлов) интересовали не исторические факты, а личность героинь. Тонкая, эмоциональная актриса Валерия Жилина виртуозно меняет регистры, играя то восторженную, ломкую и артистичную Сонечку с высоким голосом, то мудрую и немного жесткую Марину Цветаеву. Видно, с каким почтением актриса относится к обеим, как восхищается их достоинством, честью, великодушием. В холщевом широком плаще, на фоне жестяной стены с дырами от пуль и остоном кровати с изящной кружевной спинкой — последний осколок дореволюционного прошлого героини — актриса будто исповедуется перед нами, по ту сторону жизни. За-

«Я позову моих братьев». Городской театр Билефельда

гнанная режиссером в исповедальный жанр, актриса не может снизить взятый надрывный тон, а потому слез было больше на сцене, чем в зале.

Еще одну послереволюционную историю рассказала **театральная компания «Рев стрекозы»** из французского города **Нантер** — «**Собачье сердце**» по повести **М.А. Булгакова**. Режиссер **Лорен Эрманн**, видимо, так боялась выбросить что-то из авторского текста, что не позаботилась о драматургической основе — актеры так и произносили огромные куски текста по очереди. Новаторством предстала смена полов всех булгаковских героев. Перевоплотились в женщины **Филиппа Филипповна**, **Полиграффа Полиграфовна**, а также **Ивана Арнольдовна**, служанка **Зиночка** ста-

ла, наоборот, мужественным **Зино**. Но никаких смыслов к повести это не добавило. Чем закончился грандиозный социальный эксперимент по созданию идеального человека, нам не рассказали. Не оживило наивный пересказ повести ни наличие живых музыкантов на сцене, ни анимационные видеопроекции, ни дубленки и меховые шапки из российских 90-х. Булгаков остался для французов закрытой книгой.

На грани буффонады, сторителлинга и объектного театра работают артисты другого европейского театра. Три португальца, Шекспир, трагедия и гомерический хохот в зале — это спектакль «**Макбет**» **Compania do Charito** из **Лиссабона**. Не интерпретация, а игра в **Шекспира**, коллажное восприятие

современным человеком литературы, культуры и вечных сюжетов. Микрофоны, стойки, звуковой пульт, килты и три ножа — вот и все убранство средневековой Шотландии. **Хорхе Круз, Дуарте Грило и Тьяго Вегас** вмиг меняют роли и места действия, как в площадном театре: завывание в микрофоны и клетчатые повязки на головы — вот ведьмы, лязг столовых ножей о стойки — битва, провести микрофоном по полу — открываются тяжелые двери замка, натянуть килт как платье — вот и леди Макбет.

История о кровавом шотландском полководце рассказана своими словами, со вставками типа: «Что, Макбет, проблемы в семье?» или жалобами Банко, что Шекспир не написал о его жене, зато на жене Макбета отыгрался. Кровавые боины сопровождаются прямыми журналистскими включениями с поля боя: как чувствую себя убитые и что будет дальше. Здесь волей-неволей чувствуешь себя неудобно, вспоминая сегодняшние информационные войны и вольный пересказ любого вооруженного конфликта.

Актерское обаяние плюс изобретательная игра с предметами и сюжетами — в результате абсолютный праздник театра. Сегодня Шекспир шутовской, балаганной смотрится, пожалуй, органичнее и правдивее, чем пыльные трико трагических героев, на разный манер декламирующих «Быть или не быть?».

Спектакль, боровшийся с «Макбетом» за титул главного события фестиваля, — «**Я позову моих братьев**» немецкого **Городского театра Билефельда**. Жесткий, хлесткий социальный театр, затрагивающий темы национализма и терроризма. Пьеса тунисско-шведского писателя **Юнаса Хассена Хемири** о парне Амуре восточной национальности, которого подозревают в причастности к взрывам в Стокгольме. Он прокручивает в голове варианты развития

событий, пока реальность не начинает мерцать, и граница между вымыслом и былью становится едва различимой.

Однако спектакль во многом снимает национальный вопрос и ставит шире проблему самоидентификации и существования человека в современном космополитическом мире. Амур постоянно прерывается позвонить своим братьям и сказать им, чтобы скрылись в толпе, были незаметными, или чтобы кричали и выходили на улицы, чтобы протестовали. Как вести себя сегодня — острый вопрос для молодых людей во всем мире. Чужие вокруг или братья, друзья или враги, что и от кого ожидать — вот вопросы, которые актеры бросают в зал, глядя зрителям прямо в глаза. Никаких занавесов и декораций — помост, вокруг которого сидят зрители, и линия навесных ламп — ты всегда на виду, что на сцене, что в жизни. Эмоциональная и в то же время рассудочно-холодная актерская игра непривычна для российского зрителя. Это тот завещанный Брехтом прием остранения, когда, не пропуская через свое Я, актер рассказывает, доносит важную идею зрителю, заставляя его размышлять над увиденным.

Именно этот спектакль получил единственную награду фестиваля — приз молодой критики «Другой взгляд». За другой взгляд на театр, национальный вопрос, социальную ответственность искусства.

Отличную от европейской картину мира показали театры с Востока. Знаменитая в **Китае** традиционная **Опера провинции Хэнань** спела в Новгороде спектакль «**Шатер легкого ветра**». **Корейский театр Vefu** привез культовый спектакль «**Мальчик и дерево**». Еще до начала действия зрителей захватили в плен задорной интермедией: три шумных корейки в разноцветных шапочках с помпонами знакомились с залом, играли с ним и даже произнесли вступительную речь на русском, предупредив, что спектакль без слов, но «если широко открыть глаза, то можно по-

нять, о чем говорят куклы». Цикл жизни мальчика и дерева был показан через национальные корейские куклы в черном кабинете (без намека на существование кукольников). Филигранная техника кукловождения передавала малейшие оттенки движений персонажей. Вот весна — женщина ждет ребенка и сажает в почву семя, вот лето — мальчик и дерево взрослеют и влюбляются. Театром теней показана стремительно летящая жизнь осенью — появляются свои дети, семейство растет. А вот неторопливая зима — похороны и пенек от дерева. Но следующей весной на старом пне вновь пробьется росток. Жизнеутверждающая философия прививается на Востоке с юных лет.

Притчевая метафора смены времен года как течения жизни продолжилась спектаклем театра **Compagnie de la Casquette**. В русском варианте название бельгийской постановки **Los Yayos** звучит как «Жили-были». От этого сразу веет чем-то русским народным с бабушкой и дедкой или Иванушкой и Аленушкой. Но перед нами трогательная лирическая клоунада из жизни европейских старичков. Смешные береты, шарфы. Розовое пальто и шелковое платье — у Нее (**Изабель Верлен Дефо**) и высокие штаны на подтяжках и туфли на стертом каблучке — у Него (**Мигель Камино Фейо**). История этих нелепых персонажей нам смешна и понятна, может быть, потому что актеры и создатели без ума от творчества русского «грустного клоуна» Полунина, или потому что язык жизни одинаков для всех народов.

Герои неуверенно и смущенно появляются на сцене, стремясь как можно быстрее скрыться от взглядов публики, но двери закрываются, занавес преграждает путь назад и начинается жизнь, у которой нет обратного хода. Старички неуклюже танцуют танго, снимая верхнюю одежду, упорно-смешно борются за место на стуле, трепетно

и нежно раздеваются, готовясь ко сну и, наконец, застывают в бесконечно глубоких объятиях в осени жизни.

Спектакль без слов. Но он наполнен звучанием — два музыканта, «жонглируя» разными инструментами и подручными предметами, прямо на сцене озвучивают все действия персонажей: дыхание, обед, чтение газеты. Ветер как клоунадный прием вначале превращается в ветер смерти, который уносит героиню в финале. Но после зимы всегда наступает весна. Герои снова молодые, едят яблоки с райского дерева и только учатся танцевать танго. Ничего так не пробуждает к жизни, как осознание ее конечности. Пока не наступила зима, никогда не поздно любить, танцевать и заботиться друг о друге.

Лирическим настроением и печальным финалом окрашены и другие спектакли новгородского фестиваля. Неповзрослевшие и недолголюбивые из-за войны дети в «**Стойком оловянном солдатике**» **Театра кукол республики Карелия**. Принц, научившийся летать вместе с Белой птицей только за пределами этого мира, в сказке-притче **Няганского театра юного зрителя «Научи меня летать»**. Как будто целый пласт современного театра тоскует по «прекрасному далеку», которое по-прежнему жестоко.

Такие разные спектакли фестивальной афиши дробили, синтезировали, перемешивали жанры, но все равно существовали по их законам. Как XX век с легкой руки Ролана Барта не смог убить автора, так XXI век пока не уничтожил жанровый канон. Хотя это тема для серьезной научной дискуссии. А для фестиваля «Царь-Сказка» чем больше жанров и НЕжанров, тем лучше — сказки становятся все глубже и многоцветнее.

Елена КОЛМОГОРОВА